

Чу Шэчжи неловко потер нос:

— Это всё дела давно минувших дней.

— Чу Шэчжи, живо выходи сюда! — раздался снаружи резкий девичий окрик. Вэй Минцзюэ по тормозам ударил: — Чжао Цзинжоу, жить надоело?

— Отвали от меня, извращенец, который любит мужиков!

— А ты, бесхозная мужеподобная баба, хочешь повторить это ещё раз, если духу хватит?

Я перевёл взгляд с полога кареты на Чу Шэчжи, тяжело вздохнул, откинул занавеску и вышел наружу:

— Почтенные, оба вы обладаете мудростью. К чему же осыпать друг друга бранью? Речь должна быть кроткой, а нрав — мирным. Злые слова, словно пролитая вода, обратно не соберёшь, лишь самому себе навредишь.

Чжао Цзинжоу уже открыла рот, чтобы продолжить перепалку, но, увидев вышедшего из кареты человека, внезапно замолчала. Слова, готовые сорваться с губ, застряли в горле. На человеке была коричнево-жёлтая монашеская ряса, он сложил ладони в приветственном жесте. С закрытыми глазами его лицо казалось безмятежным, но стоило ему открыть их — и казалось, что вокруг разливается дивный свет, на который невозможно смотреть прямо.

— В-великий мастер, — голос Чжао Цзинжоу непроизвольно стал тише. — Смею спросить, как ваше буддийское имя?

Оба умолкли. Только теперь я смог разглядеть девушку, которая только что бранилась с Вэй Минцзюэ. Её внешность вовсе не соответствовала её вздорному характеру: тонкие, словно ивовые листья, брови, круглые, как абрикосовые косточки, глаза с чуть опущенными уголками и полные губы — лицо выглядело по-юношески свежим и миловидным. Сейчас она слегка покраснела, и её замешательство так разительно отличалось от недавней агрессии, что я невольно улыбнулся:

— Не стоит называть меня великим мастером. Монашеское имя моё — Цзюцзянь, я всего лишь простой монах из маленького монастыря на окраине.

Чжао Цзинжоу застыла, не сводя с меня глаз. Недовольный голос Вэй Минцзюэ прервал её оцепенение:

— Чего ты уставилась и лыбишься, как дурочка? Это мастер Цзюцзянь, которого жители Фанланя почитают как святого! Прояви хоть каплю уважения!

Чжао Цзинжоу тут же парировала:

— То, что рядом с мастером находишься ты, уже само по себе неуважение! Вэй Минцзюэ, как

ты здесь оказался? Неужели искал мужчин и нашёл их аж в поместье Маркиза, Усмиряющего Север?

Вэй Минцзюэ нервно покосился на меня, густо покраснев:

— Я здесь проездом, по делу. Что за грязь ты несёшь? Ты вообще женщина или кто?

— По делу? Ты? — Чжао Цзинжоу презрительно сплюнула. — От тебя одни неприятности. Проваливай, проваливай! Предупреждаю, мой отец сегодня дома!

Лицо Вэй Минцзюэ переменялось, он бросился к лошади:

— Чего же ты раньше молчала! Не хочу снова попасться учителю и кувыраться на тренировочной площадке. Цзюцзянь, скорее, уходим!

Чу Шэчжи, однако, заметил:

— Уже поздно.

Словно подтверждая его слова, длинное серебряное копьё с красной кистью пролетело по воздуху и вонзилось в землю в трёх дюймах от левой ноги Вэй Минцзюэ:

— Ты, паршивец, почему же бежишь, едва услышав моё имя?

Человек ещё не появился, но его громкий, залиvistый смех уже приближался вместе с цокотом копыт. Вскоре появился всадник: с тремя прядями красивой бороды, густыми бровями, сходящимися к вискам, и узкими, властными глазами. Красновато-коричневая кожа и величественный вид делали его похожим на ожившего Гуань Юя.

Вэй Минцзюэ скривился в горькой усмешке:

— Давно не виделись, учитель. Вы всё так же крепки и полны сил, как и в прежние годы.

Этот человек, так похожий на легендарного полководца, был прославленным Маркизом, Усмиряющим Север. Он спрыгнул с коня, погладил бороду и окинул Вэй Минцзюэ оценивающим взглядом:

— Тот самый сорванец, который когда-то ленился на тренировках и валялся на земле, теперь стал ветреным гулякой, что только и знает, что задирать всех вокруг? Никчёмный мальчишка, столько лет странствуешь, а навестить учителя не заглянул. Неужели я бы тебя съел?

Вэй Минцзюэ опустил голову, его голос стал едва слышным:

— Ученик вёл себя недостойно, стыдно было показаться учителю на глаза...

— Ладно, оставим это. Раз уж приехал, да ещё и когда я вернулся из лагеря, пойдём, помянем старые времена. — Маркиз, казалось, лишь сейчас заметил нас с Чу Шэчжи. — Минцзюэ, кто это с тобой?

Вэй Минцзюэ поспешно представил:

— Это мастер Цзюцзянь из храма Белого Дракона Фанлань, ученик мастера Тяньцзина.

Я сложил руки в приветствии:

— Приветствую господина Чжао.

— А это прославленный в цзянху мастер меча Чу Шэчжи, у которого друзей полмира.

Чу Шэчжи слегка улыбнулся и сложил руки в кулак:

— Смиренно приветствую Маркиза.

Маркиз сперва посмотрел на Чу Шэчжи и многозначительно произнёс:

— Так это вы тот самый человек из цзянху, что сдал экзамен на звание цзюйжэня? Я слышан о вас.

Здесь стоит пояснить прошлое Чу Шэчжи. После того как он стал знаменит, многие пытались разузнать о нём, но он будто возник из ниоткуда: ни родителей, ни учителей. В пятнадцать лет он вышел в большой мир. Ещё до того, как обрести славу, он однажды оказался в уезде, где проходили экзамены на звание сюэя. Будучи без гроша в кармане и голодая несколько дней, он узнал, что участникам экзамена дают бесплатную воду и лепёшки, и под вымышленным именем пробрался в списки. К его удивлению, он сдал экзамен. Поскольку имя было чужим, некоторые считали, что не стоит давать ему учёную степень, но уездный начальник, оценив его талант, приписал его к дальним родственникам своего рода, взял к себе, обучил классическим текстам, а также искусству расследования преступлений и осмотру тел. Чу Шэчжи оправдал ожидания и через три года стал цзюйжэнем. Если бы он продолжил путь, возможно, сейчас перед нами стоял бы не странствующий герой, а чиновник императорского двора. Но судьба распорядилась иначе: тот начальник был убит разбойниками по дороге домой. Чу Шэчжи в одиночку поднялся в горы, перебил банду и взял в плен сто шестьдесят человек, требуя расследования убийства своего покровителя. В ответ он получил лишь головы разбойников, которые уже ничего не могли рассказать. Чу Шэчжи в гневе ушёл, поклявшись никогда не вступать на чиновничью службу. Пять лет спустя имя великого мастера Чу гремело по всему цзянху, а та история была забыта. Все знали лишь, что он когда-то сдал экзамен, словно это было лишь доказательством его незаурядного ума.

— Я всего лишь простолюдин, и для меня большая честь, что моё имя дошло до слуха господина Маркиза, — Чу Шэчжи проигнорировал пристальный взгляд Маркиза. Все эти годы он решал множество важных дел, но придерживался двух правил: не связываться с властями и не иметь дел с вельможами. Хотя у него были друзья при дворе, он не переступал черту, за которой начинались политические игры.

Маркиз перевёл взгляд на молодого монаха, который всё это время стоял, опустив голову:

— Десятки лет назад, когда скончалась моя мать, мастер Тяньцзин приходил в наш дом, чтобы прочесть Сутру Улламбаны. Его слова глубоко тронули моё сердце. Где находится ваш храм? Не желаете ли вы, чтобы я нанёс вам визит?

Какое лицемерное вежливое приглашение. Я усмехнулся про себя и ответил за старого мастера:

— Мой учитель следует Пути живых существ десяти сторон и пестует Бодхичитту, пребывая в суровом воздержании в нашем скромном храме. Ныне он отрешён от мирских дел и, боюсь, не сможет принять господина Маркиза.

Маркиз замер. Его слова были лишь данью вежливости, но получить столь прямой отказ от неизвестного молодого монаха было неприятно. Он фыркнул и обратился к Вэй Минцзюэ:

— Гость есть гость, пойдёмте в поместье.

С Вэй Минцзюэ он был радушен, однако я заметил, что, как только Маркиз заговорил, Чжао Цзинжоу низко опустила голову, словно чего-то опасаясь.

Чу Шэцжи тоже это заметил и прошептал мне на ухо:

— Похоже, отношения между отцом и дочерью не самые тёплые.

Я мельком взглянул на лицо Чжао Цзинжоу. Об их отношениях судить трудно, но связь между ней и Вэй Минцзюэ совсем не похожа на вражду. Она бранила его, но на самом деле ждала на дороге, чтобы поскорее спровадить. Почему? Маркиз учил Вэй Минцзюэ боевым искусствам, и в его жалобах слышалась привязанность. Почему же девушка так не хотела, чтобы он заходил в поместье? Какая тайна скрывается за этим?

— Маленький мастер, эта комната выходит окном к воде и обращена на восток, здесь прекрасный вид. Обычно здесь останавливается племянник хозяина, когда навещает нас. Маркиз лично распорядился подготовить её для дорогих гостей. Поскольку наши края суровы, племянник бывает здесь нечасто, если чего-то не хватает — сразу говорите мне.

Вэй Минцзюэ оставил нас у главного входа, чтобы переговорить с Маркизом. Управляющий проводил нас с Чу Шэцжи в гостевые покои.

— Ами табха, здесь очень хорошо. Передайте мою благодарность господину Маркизу. — Слишком хорошо, я бы сказал.

Я вежливо проводил управляющего, закрыл дверь и принялся осматривать комнату племянника. Она была невероятно просторной, разделённой на три зоны. В гостиной стоял стол с отверстием посередине для подогрева чая на углях, с потолка свисала антикварная

медная подставка с полным набором керамической посуды цвета павлиньей зелени. На стене висела картина из знаменитой серии Восемнадцати красавиц кисти Гуань Цяньшаня. На полках из дерева куриное крыло стояли слоновая кость с резьбой, редчайшие вазы-гранаты из полупрозрачного фарфора, которые редко попадали даже в императорскую казну, и эмалевые сосуды, выполненные по западным технологиям... Столь ценные предметы, которые обычный человек не увидит за всю жизнь, здесь были повсюду.

В глубине покоев стояла кушетка для чтения и игры в шахматы. Рядом с ней — окно, из которого открывался вид на рукотворный пруд. В суровых условиях северо-запада содержание такого пруда, где ежедневно требовалось менять воду, стоило целое состояние, что явно превышало расходы, подобающие даже Маркизу.

Я обошёл комнату, и мои брови нахмурились. Это даже для самого Маркиза было бы излишеством. И всё это — лишь временное пристанище для племянника?

Маркиз... Маркиз... Я принялся вспоминать всё, что знал о нём.

Чжао Уцзи, Маркиз, Усмиряющий Север, родился в двадцать четвёртый год правления Чжаодэ. Когда нынешний император был ещё принцем, он попал в беду и был спасён матерью Чжао Уцзи. Вернувшись во дворец, император отправил Чжао Уцзи на подавление разбойников. После восшествия на престол император даровал ему титул графа Аньдин, а позже, по его собственной просьбе, он отправился охранять суровые северо-западные рубежи, получив титул Маркиза. Он был выходцем из простых семей, но, попав в военное ведомство, обнаружил родство с кланом Чжао из Цзядина, чтобы продвинуться по службе. Жена Маркиза была дочерью близкого друга главы клана Чжао из фамилии Наньгун — богатейших купцов того края. Она скончалась десять лет назад от болезни. Если этот племянник — родственник со стороны Наньгунов, то даже при большой любви Маркиза к нему, такая роскошь для простого торговца была бы явным нарушением ранга.

Я взял кусочек сандала и зажёл его в курильнице. Она была искусно выполнена в форме сосны, свисающей над лотосом, внутри которого тлел благовонный дым — весьма буддийский мотив. Видно было, что тот, кто выбирал эту вещь, старался угодить.

Я улыбнулся.

Поселили ли нас здесь случайно или здесь есть какой-то умысел?

Маркиз... поистине человек, полный тайн.

<http://bllate.org/book/22245/2325287>